

а) ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РУКОВОДСТВА БИБЛИОТЕКОЙ

1. «Донесение на устройство библиотеки». 11 июня 1821 г.

Его высокородию господину директору

императорского Казанского университета

Предписанием Вашим от 17 мая сего года за № 232 требуете, Ваше высокородие, от меня донести, в чем состояли занятия мои по библиотеке университета вследствие поручения, сделанного мне Его превосходительством попечителем Михайлом Левонтьевичем Магницким, расположить университетскую библиотеку по наукам¹⁾ и в состоянии ли я при настоящих обстоятельствах все то исполнить, что от г-на попечителя мне предписывалось.

Чтоб отчет мой сделать полным и совершенно ясным, нахожу я нужным представить Вашему высокородию состояние университетской библиотеки: отсюда Вы усмотрите, какого рода труды мне предлежали; потом буду говорить о моих занятиях, в каком порядке они следовали и какие затруднения я здесь встретил. О состоянии библиотеки я намерен говорить так, как она находится в отношении к ее каталогам, о исправности сих последних, не касаясь ее целости, которая могла не прежде быть доказана, как по сличению документов с верной описью библиотеки. Вот почему заботился я сначала поверить каталоги с библиотекою и вот почему представляя Вам отложить рассмотрение документов до окончания описи. Кажется, не ошибался я также, полагая разбор документов делом весьма многотрудным, заслуживающим быть поручену особому комитету из большого числа членов, не только с тем, чтобы облегчить труды через разделение их и сократить время, но чтоб увеличить и препятствия злоупотреблению. Что касается до трудности, то, конечно, она должна быть чрезвычайно велика, потому что университетская библиотека не была поверяема со времени ее учреждения; число документов весьма велико и состоит в выписках, даваемых библиотекарям от Совета или Правления, когда книги препровождались от того или другого места в библиотеку. Что все документы находятся налицо в библиотеке, на это есть одно только средство: перечесть все журналы Правления и Совета. Можно уж судить, какого это будет стоить труда. Я не упоминаю еще здесь о документах, свидетельствующих сдачу и прием библиотеки, потому что сдачи и приема в надлежащем порядке никогда не было. Известно, что г-н Шторль²⁾ умер, не сдав библиотеки, после него управлял библиотекой покойный профессор Реннер, а за ним следовал суббиблиотекарь Кондырев. Каталоги, находящиеся в библиотеке, никем не подписаны; чтобы доказать их справедливость, потребуется, может быть, далеко восходить ко временам заведывания библиотекой Казанской гимназии и разрывать архив, скопленный в течение двадцати лет.

Вы находили все сии причины справедливыми, и посему предлагали заняться мне только приведением библиотеки в новый порядок, в чем и состояла существенность сделанного мне поручения, рекомендую при том привести в известность наличность библиотеки в ожидании особых распоряжений для учинения ей поверки по документам.

¹⁾ Об этом поручении см. вводную статью (стр. 338).

²⁾ Так Лобачевский пишет в 1821 г. фамилию первого библиотекаря Казанского университета Сторля. Позже (см. стр. 355) он переходит на правильную транскрипцию.

1

Университетская библиотека разделяется на несколько частей, так что каждая часть имеет свой порядок и свой каталог, как в подробности будет видно в последствии моего донесения. Одну часть, и я ее назову первой, составляют книги, подаренные г-м Потемкиным Казанской гимназии [1]. Справедливее сказать, она произошла от разделения книг гимназических для поступления части их в ведомство университета, что и было сделано бывшим библиотекарем г-м Шторлем по предписанию покойного попечителя Румовского. Я не намерен здесь давать точное определение каждой части, потому что они все между собой перемешаны: вероятно, г-да библиотекари имели каждый особый план учреждения библиотеки, но исполнение которых какие-нибудь препятствия останавливали при самом начале. Для сей первой части библиотеки находится каталог, составленный первоначально Шторлем, но откуда исключены и вновь приписаны несколько книг нынешним библиотекарем Кондыревым. Он разделен на книги в лист, четвертую и осьмую долю листа, расположен по алфавиту, а самые книги поставлены в том же порядке, в каком они следуют одна за другой в каталоге. Этот каталог, по справедливости сказать, составлен с чрезвычайным небрежением, наполнен ошибками, и, несмотря на то, что в нем, кажется, соблюден какой-то порядок, он представляет столько же мало удобности, как и каталог, написанный без всякого порядка. Между книгами одного формата нередко встречаются книги двух других форматов. Алфавит соблюден только для начальной буквы, и названия книги то начинаются с прозвания сочинителя, то с его имени, то с имени переводчика, издателя, то с оглавления книги; а оглавления г-н Шторль, кажется, полагал за правило сокращать, означать одно только содержание двумя, тремя словами на латинском языке, хотя бы книга и была сочинена на другом языке. Одна и та же книга встречается иногда под различными названиями в разных местах. От этого каталог наполнен ссылками, испещрен замечаниями, чрезвычайно затрудняющими прием. Уберечься от ошибок было очень трудно, потому что ссылки были обойдены, написаны с небрежением на полях, на углах, между строк и весьма неясно. Число частей сочинения и число переплетов не означенено в каталоге или означенено неверно. Надобно было у всякой книги смотреть начало и конец. Есть книги различного содержания, связанные в один переплёт, но написанные порознь в каталоге, и обратно. Зато выставлены годы печатания в особой графе — подробность не важная, но и то с беспрестанными ошибками. Номера книг поставлены по переплетам, но написаны не ясно, перемещены, снова ворочаются те же числа, стерлись от употребления, для них нет назначенного места, и они разбросаны по странице. Соответственные номера на книгах написаны бледно-красными чернилами, отклеились, выцвели, замарались — редкий можно разобрать. Замечания, написанные мною на сей каталог, весьма кратки, потому что подробности, дополнения, изъяснения заставили бы меня написать несколько десятков листов; да я же почел такую подробность незначащею для ответственности библиотекаря. На один каталог, который нашел я всех исправнее, именно Франковой библиотеки, сделал я полные замечания, но и то составило десять листов.

Вторая часть библиотеки содержит в себе одни русские книги: составлена г-м Кондыревым во время его заведывания. Порядок тот же, что и в предыдущей части. Номера поставлены по переплетам, книги по номерации, но как они приписывались после, по мере как поступали, то порядок книг выходит не тот, какой в каталоге. Каталог разделен по форматам, по алфавиту не строго, за постоянное правило и здесь не принято, начинать ли писать книгу с имени сочинителя, имени переводчика или с ее заглавия. Прибавки и поправки столько пестрят каталог, что почти невозможно его разбирать. В особенности это затруднение встречается в повременных изданиях.

Третья часть библиотеки куплена от медика Франка [2]. Есть два каталога для нее: один оригиналный, за подписью попечителя Румовского, другой с него копия, сделанная уже в Казани. Я принимал по оригиналному. Он составлен подробно, по строгому алфавиту, начиная всегда с имени сочинителя (исключая книги, издаваемых обществами ученых), и разделен на форматы; но книги или недостают против каталога, или в излишестве. Я составил полные замечания на сей каталог.

Четвертую часть библиотеки составляют книги, посунившие покуркою на сумму, отпускаемую на содержание библиотеки. Каталог сей части есть собственно входящая книга, куда вписывались весьма кратко названия книг, поступающих в библиотеку через Совет или Правление. В этом не мог, следовательно, быть наблюдаем никакой порядок. Книги без номеров как в каталоге, так и на переплетах, только в особых графах выставлен формат, язык и наука. Из сей части весьма много книг перенесены в другие, а следовательно, каталог ее не мог мне служить для приема. Я составил особый, исключив те книги, которые были причислены к другим частям библиотеки, и по сему-то каталогу принимал. Составленный мною каталог положен в библиотеке ¹⁾, почему его здесь и не прилагаю. Число книг, его составляющих, простирается до четырех тысяч.

Пятую часть библиотеки составляют книги, подаренные купцом Зимняковым [3]. Она снова подразделяется на две части, и каждая часть имеет особый каталог. Оба каталога расположены по форматам и языкам, но без алфавита. Ошибки чрезвычайные: существенные сказаны в приложенных здесь замечаниях. Должен упомянуть в особенности об одном недостатке этой библиотеки: книги без переплета, части, их составляющие, иногда различных изданий, а заглавных листов много изорванных, да и вся библиотека составлена из древних латинских диссертаций.

Остаются еще некоторые книги и весьма большое число диссертаций, не включенные ни в какой каталог [4]. Я начал составлять каталог и для сих книг, но как это требовало присутствия г-на Кондырева, по крайней мере, он не захотел, чтоб это делалось без него; а [как] он совершенно не имел свободного времени, употребляя его на отправление других его должностей, то я и не мог продолжать начатого.

Изложив предварительно состояние библиотеки, теперь следует дать отчет Вашему высокородию, каким образом я приступил к приему библиотеки, в чем именно состояли мои тут занятия и какие встретил затруднения. Получив выписку из журнала Правления университета от 31 декабря 1819 года за № 2691, при которой приложена была и копия с предписанием г-на попечителя об устройстве библиотеки, я не мог приняться вскоре за исполнение делаемого мне поручения, потому что г-н Кондырев был в это время тяжело болен. Однако ж по особой его доверенности ко мне позволил он в начале апреля 1820 года, дав в помощь писца библиотеки Теласкова, принять по каталогу пятую часть библиотеки ²⁾. Номера на переплетах были надписаны соответственно каталогу еще до меня г-м Кондыревым; но как каталог весьма сбивчив и неисправен, то в назначения номеров вкаилось чрезвычайно много ошибок, которые столько ж трудно было исправить, сколько было легко их сделать. Я принужден был два раза поверять мой прием и в оба раза находил, что поправить. Думаю, что исправленный каталог по моим замечаниям может быть почен верным документом этой части библиотеки. Однако ж я умолчал о многих неисправностях. Как потому, что они не значущи для ответственности библиотекаря, так и в особенности заботясь наперед о сокращении моих отчетов. Около месяца употребил я для

¹⁾ Каталог этой части библиотеки не сохранился.

²⁾ То есть библиотеку Зимнякова.

рассматривания сей части библиотеки; число книг, ее составляющих, простирается до четырех тысяч.

За сим я приступил к третьей части библиотеки ¹⁾). Чрезвычайно большое число замечаний, прилагаемое здесь, может свидетельствовать о встретившихся мне затруднениях и о времени, употребленном для сего приема. Я был занят им целый месяц. В особенности повременные издания найдены были в недостатке или излишестве и требовали подробного описания. Смело могу сказать, что исправленный каталог этой части, согласно моим замечаниям, будет верным ее списком. Число книг простирается здесь до семи тысяч.

За третьей частию следовала первая ²⁾). Здесь меня руководствовал несколько г-н Кондырев, потому что я не мог более следовать тем же правилам, которые были мною наблюдаемы в приеме предыдущей и которые позволили мне сделать полное ей описание. Число книг, составляющих эту часть, около трех тысяч пяти сот.

Потом пересмотрел я вторую часть. В сих занятиях прошли месяцы апрель, май, июнь. Время экзаменов заставило отложить продолжение приема до половины июля. Между тем, г-н Кондырев, освободясь от болезни, имея более свободы в вакациональное время, захотел со мною пересмотреть снова первую и третью часть, потом сдал мне вторую. Я не всегда присутствовал при этой проверке, уверен будучи в строгости моего приема; однако ж и тут нашлись кой-какие ошибки: так трудно против них уберечься; после четырех часов занятия тупеют глаза и внимание исчезает. Несмотря на множество замечаний, сделанных на вторую часть, несмотря на то, что она была два раза пересмотрена, я не могу поручаться, чтобы можно было составить исправный каталог; кажется мне, ее вернее было бы описать без помощи находящегося для нее каталога.

С половины июля до половины сентября г-н Кондырев, окончив поверку, сдавал мне четвертую часть по составленному мною каталогу. Потом принялся я сочинять каталог остающимся книгам, но, как я уже упомянул выше, это требовало присутствия г-на Кондырева, а он был отвлечен другими делами, то я и не мог продолжать начатого. Сим-то прекратились мои занятия в библиотеке, исключая того, что, взяв на мою ответственность принятые мною части библиотеки, уже я выдавал г-м профессорам книги, а не г-н Кондырев, хотя ключи всегда хранились у него. Для избежания погрешностей при выдаче книг, я просил Правление университета, как Вам известно, приказать сделать деревянные книги, которые бы оставались на местах убыльных с означением, какая книга, ком и когда взята — что все до сих пор и не исполнялось. Кроме того, г-да профессора расписывались в получении книг в особой тетради.

Почему прием библиотеки не продолжался далее сентября, в этом отвечает г-н Кондырев, который, конечно, имел достаточные причины предпочитать другие его обязанности обязанности сдавать библиотеку. Но что я его принуждал к продолжению сдачи, это, конечно, не откажется он подтвердить и сам. Между тем, Ваше высокородие, изволите припомнить, что я предлагал г-ну Кондыреву в присутствии Вашем средство, которое позволяло мне приступить к исполнению главнейшего в моем поручении, то есть разделения книг по наукам, оставляя ему совершенную свободу приготовить к сдаче остальную часть библиотеки независимо от меня. Средство сие состояло в том, чтоб отделить не снятые мною книги в особую комнату библиотеки и, как позволяло место, занимаемое библиотекой, куда бы был особый вход, чрез что могла быть в совершенном распоряжении г-на Кондырева, между тем как я бы занялся разделением снятой части библиотеки по наукам.

¹⁾ То есть библиотека Франка.

²⁾ Библиотеки Г. А. Потемкина и В. И. Полянского.

Мнение же мое в рассуждении самого приведения в новый порядок было такое, как я Вам изъяснял его изустно, чтобы разделить сперва книги по их форматам и содержанию, затем поставить их по алфавиту имен их сочинителей (исключая сочинений от обществ, которые должны составлять особое отделение библиотеки, то есть энциклопедическое), тогда уже приступить к составлению каталогов, то есть стоило бы ее описывать. Такое описание библиотеки, кроме той удобности, что может быть ускорямо и останавливаемо по произволу, доставляет еще важнейшую выгоду: каталоги всегда будут верными списками библиотеки. Г-н Кондырев не согласился на предлагаемое мною средство, утверждая, что новый порядок рождает новые и затруднения в рассуждении его ответственности, затруднения едва ли даже победимые, по его мнению; почему он и желал сперва сдать то, что находилось налицо, и представить тому опись, тогда уже допустить меня располагать библиотекой. Это требовало новых каталогов, которые, впрочем, хотя бы и составили должный им и мною отчет Совету университета, но не могли ни к чему служить впоследствии. Имея доверенность к опытности г-на Кондырева, я согласился на его мнение. Каталоги начаты были переписываться, но не знаю, почему переписка была остановлена, кажется, по неизвестному писцов. Впрочем, как это дело взял г-н Кондырев на себя, то и предоставляю ему отвечать за неуспех.

Библиотека, конечно, принималась мною весьма медленно, однако ж я бы еще менее успел, если бы мне не дан был в помощь писец Теласков. Он знал хорошо с библиотекою, разделял со мною труды охотно и показал себя весьма способным. Мне, конечно, не у места здесь хвалить прилежание Теласкова, не приведя сперва к концу устройство библиотеки, и тогда, когда Теласков вышел уже из ведомства университета; но я не могу умолчать о должном ему и оставляю при себе сожаление, что теперь обстоятельства еще не таковы, чтоб из них с точностью можно было видеть, чего заслуживают труды его.

Заключая сим отчет в моих занятиях по библиотеке, прошу Ваше высокородие ходатайствовать у Его превосходительства снять с меня возложенное поручение. Несмотря на то, что неоконченное поручение делает бесполезными все мои труды, обманутый надеждой привести библиотеку в новый порядок в течение четырех месяцев, я не могу более противиться любви к тем занятиям, к которым меня пристрастила особенная наклонность [5].

Заботясь оправдать себя со всех сторон в медленности, прошу Вас не ставить мне также в вину, что я по обещанию не оставил Вам плана нового образования библиотеки. Хотя я обдумывал его достаточное время и остановился на том, что, по моему мнению, доставляло всего более удобности и содержало в себе всего более системы, но, не полагаясь на свою опытность, ожидал поверить выгоды плана на самом деле, и тогда бы только осмелился я представить его на Ваше суждение и ожидать с большею уверенностью Вашего одобрения.

1821 года, июня 11 дня.

Экстр. профессор Николай Лобачевский

Автограф Лобачевского.

ЦГАТ, ф. 977, Совет, ед. хр. 2220, лл. 10—14 об.

2. Представление Правлению университета об устройстве библиотеки [6].
30 апреля 1825 г.

В Правление имп. Казанского университета

Устроение библиотеки требует обратить внимание на поместительность, на издергки, на доставление удобности библиотекарю служить читателям и, наконец, на красоту наружности. Последнее требование уступает первым,